

Мустафазаде Вагиф 1985

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
БАКИНСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Баку

23 МАЯ 1985

Не так давно во Дворце имени В. И. Ленина состоялся концерт, посвященный памяти Вагифа Мустафазаде. Звучали музыка этого композитора и пианиста, посвященные ему сочинения. По ходу концерта шел разговор о его жизни и творческой деятельности. Но мы очень хотели бы как можно больше узнать об этом замечательном мастере...

Н. ШАМИЛОВ, Р. МУСТАФАЕВ,
студенты.

В ЭТУ ВЕСНУ Вагифу Мустафазаде исполнилось бы сорок пять лет. Вот уже пятый год день его рождения отмечается без него. Отмечается его семьей и близкими, друзьями и многочисленными поклонниками его яркого, неповторимого дарования.

Мы с ним учились в одной школе, но он был младше на несколько классов, и в юные годы эта разница в возрасте — часто непреодолимый рубеж для сближения. Но еще в те годы я пристально вглядывался в юношу, который выделялся среди сверстников. С отроческих лет ему была присуща какая-то одержимость. Кроме слова «одержимость», я употребил бы, пожалуй, и слово «зависимость». Через многие годы, после громкого признания в стране и за рубежом, встречаясь с Вагифом, я неизменно отмечал про себя эту особенность — он был постоянно озабочен.

Это была чисто творческая озабоченность. Я ни разу не видел его за праздным разговором, за беспечным ничегонеделанием. Казалось, всего его поглощает «одна, но пламенная страсть» — работа, музыка. А уж если поблизости оказывался инструмент — в репетиционном зале театра, на киностудии или в его старой квартире в Крепости, то вообще все общение сводилось к его игре, которую он прерывал лишь короткими репликами, вроде: «а можно и так» (играет), «или так» (опять играет), «или вот, скажем, так» (и опять играет). Он извлекал из «черного ящика» с двенадцатью звуками в каждой октаве невероятно богатые музыкальные арабески. Все разговоры были лишь ремарками к его музыке.

Совместная работа свела нас вместе лишь дважды, причем первая, к великому моему сожалению, так и не осуществилась. В период съемок картины «День прошел» мы вместе с режиссером, ныне, увы, тоже покойным, Арифом Бабаевым и композитором фильма Эмином Сабитоглы были дома у Вагифа в Ичери-шехер. Несколько музыкальных номеров фильма должен был записать Вагиф вместе с женским вокальным ансамблем «Севиль», которым он тогда руководил. Импровизируя на мелодии Эмина, Вагиф нанизывал узоры, один причудливее другого. По техническим, производственным, финансовым и не знаю еще каким причинам Вагифа не смогли записать. Музыкальное озвучение фильма сделали в Москве, и до сих пор и я, и Эмин глубоко сожалеем о том, что эта совместная работа не состоялась. Мы все были молоды, и кто мог предполагать, что упущенная возможность никогда больше не будет восполнена? Кто мог предполагать, что Вагифу отпущен такой до нелепости краткий срок?..

Вторая наша совместная работа, к счастью, осуществилась. Это был спектакль Русского драматического театра имени С. Вургуня по пьесе «Лето в городе». Когда режиссер-постановщик Гюля-ханум Гюльахмедова-Мартынова сказала, что хочет пригласить в качестве композитора В. Мустафазаде, я этому несказанно обрадовался. Вагиф написал к спектаклю действительно замечательную музыку: в ней был аромат Баку и зной летнего города, напряженность и драматизм, и какая-то смутная, нежная грусть. Во время репетиций меня не было в Баку, и позже Гюля-ханум рас-

сказала мне удивительную историю.

...Арендовав студию на улице Фиолетова, всю ночь записывали музыку — ее, естественно, от начала до конца исполнял сам Вагиф. Записывали в мучительных поисках лучшего варианта, с удачами и промахами, с находками и накладками, по несколько дублей. Наконец записали, смонтировали из разных, наиболее получившихся кусков, и готовые бобины забрали в театр. Поблагодарили друг друга, усталые и удовлетворенные, все разошлись. Через несколько дней, прямо перед прогоном, бобины неожиданно исчезли.

Режиссер впал в отчаяние. Когда она сообщила об этой «катастрофе» Вагифу, он лишь спокойно улыбнулся: «Что ж, запишем еще раз».

И повторил свой подвиг. Всю ночь записывали музыку, такую же пленительную, но уже несколько иную. Он был

своеобразного самовыражения творца, который выступает одновременно и как соиздатель, и как исполнитель. Ведь в джазе, как испокон веков в искусстве мугама, автор музыкальной композиции сам же воплощает свое творение в звуках инструмента или в тембре человеческого голоса.

Так, искусство Вагифа зиждется на двух «китах» (впрочем, есть, на мой взгляд, и третий «кит», но об этом чуть позже) — мугаме и джазе. Наличие мугама в этом симбиозе естественно и органично: Вагиф — сын земли, сам воздух которой буквально пропитан, насыщен, как озоном, мугамами. Это не просто метафора. Может быть, то, что Азербайджан — южная страна, где много теплых, жарких дней, где окна домов, квартир бывают раскрытыми больше, чем в городах с более суровым климатом, — играет немаловажную роль. Несущаяся из открытых настежь окон музыка (в до радио- и телевизионную эпоху это были и звуки живой, исполняемой в данном месте музыки) буквально растворяется в воздухе, становится его составной частью — ты слышишь мугам у себя дома, на улице, двигаясь на транспорте.

Вопрос о джазовом состав-

азербайджанской музыке. Это делали порой полупрофессиональные или вообще непрофессиональные музыканты, «слухачи», самостоятельно научившиеся играть, скажем, на скрипке или кларнете, подбиравшие на слух народные мелодии, творчески приспособившие их к особенностям этих инструментов и таким образом вводя эти инструменты в мир восточного мелоса. Это, может быть, и не предназначалось для концертного, публичного исполнения.

Особенно интересна в этом плане роль фортепиано. Поселившись в домах, этот инструмент усилием музыкально одаренных людей становился обязательным атрибутом семейных праздников, дружеских застолий. Не возведенный в статус официальной музыкально-концертной жизни, не пользующийся нотными записями, не зафиксированный на грампластинках, этот «фортепианный мугам» стал важным элементом эстетического существования народа. Мы, возможно, недостаточно учитываем и оцениваем эту бытовую музыку, сформировавшую и воспитавшую не одно поколение людей, ставших впоследствии вполне профессиональными музыкантами или, по крайней мере, высококвалифицированными слушателями. На памяти многих фортепианные интерпретации азербайджанской народной музыки Хадиджи-ханум Габовой, Рухсары-ханум Мирзабековой, да и матери Вагифа Мустафазаде Зивер-ханум. И в чисто психологическом плане это было свободное музицирование ради удовольствия — своего и слушателей.

В игре Вагифа язвенно слышались и традиции этого музыкального материала, преобразованного им, естественно, в высокопрофессиональное искусство.

Сейчас, весенней и летней порой, когда окна квартир раскрыты, отовсюду несется музыка, отобранная для нас радио и телевидением в лучшем случае. А в худшем — самодельная продукция слишком активных любителей, записанная на компактные кассеты.

Дополню эти слова собственным наблюдением. Теперь часто на бульваре, в скверах и парках можно встретить планирующих молодых людей, которые, приближаясь, «обдадут» нас липкими мелодиями: это, оказывается, играет портативный магнитофончик во внутреннем кармане пиджака «меломана». Музыка как бы урчит у него в животе. Такая вот верность музыке — водой не разольешь. Но это так, к слову...

Одно из ярких созданий вагифовского таланта — композиция «Баяты Шираз». В импровизации Вагифа (в которую, кстати, вошли и куски из музыки к спектаклю «Лето в городе») вкраплен голос замечательного ханенде, выдающегося мугамного певца Гаджибабы Гусейнова. Гаджибаба поет баяты — народное четверостишие:

Все течет, все движется.
И воды утекают, уходят.
Мир — это окно,
Каждый смотрит в него и уходит.

Эти слова звучат обреченно и пессимистически. Но в следующем куплете певец как бы отвечает самому себе:

Эта наша крепость
Пусть всегда нашей
останется,
Я построил ее не для того,
Чтобы самому оставаться
на земле,
А для того, чтобы остался
мой след...

Вагиф Мустафазаде построил замечательную музыкальную крепость. Она — егг след на земле. След, который никогда не будет запылен временем.

АНАР.

По просьбе читателя

ЧТОБЫ ОСТАЛСЯ С Л Е Д...

неутомимым музыкантом и неутомимым импровизатором...

Сейчас, когда путь Вагифа Мустафазаде завершен, настало время более глубоко оценить и осмыслить личность большого мастера в целостности и совокупности. Конечно, окончательное определение места В. Мустафазаде — дело будущего, но уже теперь можно говорить об этом удивительном феномене в нашем искусстве, об уникальности его вклада в азербайджанскую и, не побоимся этих масштабов, в мировую музыку.

Мысль об уникальности вагифовского вклада зиждется на одной элементарной истине — он сумел соединить два совершенно разных, но одинаково богатых и неисчерпаемых пласта мировой музыкальной культуры — мудрое искусство восточного мугама и иступленный негритянский джаз. Казалось, как далеко друг от друга эти два художественных явления совершенно разных народов и регионов! Глубоко отличаются друг от друга душевный строй, психологический уклад, мироощущение, мировосприятие, средства эстетической выразительности народов, создавших в разных уголках земного шара мугам и джаз. Причем, если мугам географически стабилен и бытует лишь в ближне- и средневосточном регионе (имея, конечно, далекое родство с искусством Индии), то джаз, наоборот, — мобилен в пространстве.

Итак, две музыкальные концепции, исходящие из противоположных философских посылов, воплощенных в разительно непохожих художественных формах, оказываются вдруг неожиданно близкими, взаимопроницаемыми в таком органическом слове, который начисто исключает всякий эклектизм. Выясняется, что их объединяет один из важных принципов искусства — дух свободной импровизации, дух

ной вагифовского творчества несколько сложнее. Конечно, он глубоко изучил и освоил достижения выдающихся мастеров этого жанра. Но, думается, важным фактором в формировании художественной личности В. Мустафазаде как музыканта сыграла джазовая атмосфера самого Баку.

Бакинский джаз — еще недостаточно изученная, неисследованная страница истории этого искусства. Недаром из нашего города вышло столько виртуозов джаза, известных и в стране, и за рубежом. Джазовое поколение выдающегося саксофониста Первиза Рустамбекова до сих пор овеяно легендами. Именно эти традиции были той почвой, на которой возросла творческая индивидуальность Вагифа. Но он пошел дальше. Дальше в джазе. И дальше в отечественную глубину музыки — к мугамам.

Кровная, генетическая связь Вагифа Мустафазаде с работой первопроходцев азербайджанской джазовой, а шире — эстрадной музыки — отразилась и во вполне конкретных фактах: Вагиф любил и тонко чувствовал творчество патриарха нашей эстрадной музыки Тофика Кулиева. Импровизации Мустафазаде на темы кулиевских песен и особенно неуязвимого «Золотого колечка» — образец глубокого взаимопонимания двух своеобразных художников.

Третий «кит», о котором я говорил, — бытовая азербайджанская музыка. Примерно начиная с конца прошлого и начала нынешнего века в музыкальный обиход азербайджанского народа, наряду с национальными инструментами, входят и общеевропейские: фортепиано, скрипка, кларнет, гармонь. Я не имею в виду музыкантов-азербайджанцев, исполняющих на этих инструментах нотную западную и русскую музыку. Я имею в виду специфический процесс приобщения этих инструментов к